

Се Мовэй появился в переулке, словно ледяной вихрь, ворвавшийся в безмолвную пустыню. В одно мгновение весь шум и хаос замерли. Те самые стражники семьи Жун, что с фонарями и оружием в руках с криками неслись вперед, под его холодным, безразличным взглядом словно окаменели. Они застыли на месте, боясь даже вздохнуть, а на их лицах читались лишь благоговение и смертельный ужас.

Лишь Жун Му, свернувшийся клубком в углу, весь в крови и едва дышащий, оставался единственным живым существом в этой ледяной тишине — пусть и живым той особой, предсмертной жизнью, пропитанной густой злой аурой.

В тот самый миг, когда взгляд Се Мовэя упал на него, под тяжестью давления, способного заморозить саму душу —

Жун Му, который секунду назад казался полутрупом, готовым вот-вот отправиться в мир иной, вдруг словно наполнился пугающей энергией!

— Сянь... Сяньцзунь!

Пронзительный, хриплый крик, полный невыразимого экстаза, словно утопающий ухватился за последнюю щепку, вырвался из угла!

Неизвестно, откуда в нем взялись силы, но он резко вскочил на ноги. Движения его были такими стремительными, что поднялся ветер — совсем не похоже на человека, получившего тяжелые ранения. Он даже не стал вытирать кровь с губ и пыль с лица, а, шатаясь и спотыкаясь, бросился к белоснежному силуэту!

Прежде чем кто-либо — включая остолбеневших стражников — успел среагировать, Жун Му уже вцепился в Се Мовэя. Не раздумывая, он намертво обхватил обеими руками, словно железными тисками, правую ногу небожителя, облаченную в безупречно чистую, словно сотканную из лунного света ткань.

— Сяньцзунь! У-у-у... Спасите меня! Сяньцзунь, вы пришли!

Он завыл в голос, хрипло и неприятно, слезы и сопли, смешиваясь с грязью и кровью на лице, хлынули потоком, оставляя грязные пятна на снежно-белом подоле халата Се Мовэя.

— Меня схватил призрак! Я умираю! У-у... Они все бросили меня! Семья Жун не хочет меня знать! Отец и мать тоже отвернулись! Меня чуть не съели! Я так испугался! У-у-а...

Он рыдал так искренне, что слезы и сопли текли по лицу, словно пытаясь выплеснуть все обиды, страх и отчаяние, накопившиеся за эти дни. При этом он еще и терся лицом о ногу Се Мовэя, напоминая брошенную собаку, которая наконец-то нашла хозяина.

Стражники были в полном шоке. Этот безумный молодой господин еще минуту назад был при смерти, а теперь, с приходом Сяньцзуня, словно подменили? Откуда столько прыти? А эта хватка? И как он посмел... посмел тереться своим грязным лицом о мантию Сяньцзуня?! Жить надоело?

Разумеется, аура вокруг Се Мовэя стала осязаемо ледяной. В воздухе, казалось, начали кристаллизоваться снежинки. Он опустил взгляд на юношу, который, забыв о всяком достоинстве, вцепился в его ногу. В глазах цвета глазури не было ничего, кроме бездонной ледяной пропасти.

Он не двигался, но незримое давление заставило ноги стражников дрожать — они были готовы рухнуть на колени.

Однако Жун Му, он же король Мэй, словно ничего не замечал, или, вернее, ему было наплевать! Он сжал ногу еще крепче, боясь, что, стоит ему разжать руки, и этот спасительный якорь исчезнет.

— Сяньцзунь! Это вы спасли меня! Вы добрый человек! Самый добрый на свете! — он поднял залитое слезами лицо и посмотрел на ледяную линию подбородка Се Мовэя глазами, полными притворного ужаса, продолжая свою игру. — Я... я остался без дома! Они выгнали меня! У меня больше ничего нет! Только эта жизнь... которую вы спасли!

Он всхлипнул, икнул и торжественно объявил:

— Поэтому! С сегодняшнего дня моя жизнь принадлежит вам! Вы спасли меня, значит, должны нести за меня ответственность! Вы мой второй отец! Я... я пойду за вами куда угодно! Вы не можете меня бросить! У-у-у...

Логика этого заявления была столь извращенной, а бесстыдство — столь вопиющим, что это граничило с безумием. Он приравнял факт спасения к праву сесть на шею.

Стражники кривились, думая лишь об одном: этот псих окончательно спятил! Как он смеет говорить такое Сяньцзуню? Второй отец? Почему бы сразу не назвать его папочкой?

Се Мовэй молчал, но пальцы его руки, опущенной вдоль тела, едва заметно дрогнули. Те, кто знал его, понимали: терпение на исходе.

Но разве Жун Му дал бы ему шанс отказать? Видя, что Се Мовэй не отшвырнул его, он решил действовать наглее.

— Сяньцзунь! Посмотрите на меня! Призрак так сильно меня поранил! Все тело болит! Кажется, кости сломаны! Я умираю? Вы обладаете великой силой, спасите меня! Нельзя же оставить умирающего в беде! — он завывал, исподтишка стараясь еще сильнее размазать кровь

и грязь по белоснежной одежде, внутренне ликуя: Ну что, Се Мовэй, терпи! Посмотрим, на сколько тебя хватит! Я тебя до ручки доведу!

Этого ему показалось мало. Он вдруг резко повернул голову в сторону остолбеневших стражников и взвыл:

— Сяньцзунь! Это они! Люди семьи Жун! Они выгнали меня из дома и смотрели, как я скитаюсь по улицам! Когда за мной гнался призрак, они пришли так поздно! Они хотели моей смерти! Умоляю, восстановите справедливость!

Лица стражников позеленели: этот безумец еще и перекладывает вину на них!

Жун Му не обращал на них внимания. Он снова повернулся к Се Мовэю, продолжая свое признание:

— Сяньцзунь! Только вы можете меня спасти! Если вы не возьмете меня с собой, я не доживу до утра! Я... я повешусь у дверей постоянного двора, где вы остановились! Даже призраком буду ходить за вами!

Это был уже не призыв о помощи, а наглый шантаж.

В переулке воцарилась мертвая тишина. Только Жун Му продолжал свою театральную сцену с рыданиями, клятвами в верности и бесстыдными угрозами. Сцена выглядела крайне неловко и... нелепо.

Се Мовэй наконец пошевелился. Он не стал, как ожидали стражники, использовать духовную силу, чтобы отшвырнуть эту надоедливую грязь. Он лишь крайне медленно, с холодом, от которого, казалось, замерзал воздух, приподнял правую ногу, за которую мертвой хваткой держался Жун Му.

Жун Му висел на ней, как гиря. От этого движения он оторвался от земли.

— Отпусти.

Два слова, холодные, как звон разбитого нефрита, не содержали ни капли эмоций, но были пропитаны несомненным величием.

Сердце Жун Му сжалось, но раз уж спектакль начат, нельзя же бросать его на полпути? Он вцепился еще крепче и замотал головой:

— Не отпущу! Даже под страхом смерти! Обещайте взять меня с собой, тогда отпущу!

Взгляд Се Мовэя наконец сфокусировался на его лице. В этом взгляде читалось презрение к никчемному мусору и раздумья о том, как избавиться от этой помехи. После короткого молчания он холодно произнес:

— И что ты предлагаешь?

Ключуло! — ликовал про себя король Мэй. Подавив торжествующую улыбку, он продолжил плачущим голосом:

— Мне... мне некуда идти, нечего есть... Сяньцзунь, будьте милосердны, приютите меня на пару дней! Как только раны заживут и я смогу сам зарабатывать на жизнь, я... я сразу уйду! Клянусь, не буду вам мешать! (Как бы не так!)

Он захлопал слезящимися глазами, стараясь выглядеть как можно более жалким и невинным, хотя на его раскрашенном кровью и грязью лице это выглядело жутковато.

Се Мовэй смотрел на него и снова молчал. Лунный свет падал на его холодный профиль, не выдавая никаких чувств. Воздух вокруг словно застыл. Стражники затаили дыхание, ожидая решения небожителя. Вышвырнет он этого безумца или...

Прошло много времени, и когда Жун Му уже начал чувствовать, что руки его немеют от усталости, Се Мовэй наконец произнес ровным, лишенным эмоций голосом:

— Иди за мной.

Сказав это, он не обратил больше внимания на Жун Му, который все еще висел на его ноге, развернулся и зашагал прочь. Движения его были плавными и естественными, словно лишний груз на ноге никак на него не влиял.

Жун Му сначала опешил, а затем его сердце взорвалось от восторга! Получилось! Он действительно согласился! Пусть холодный, но все же позволил!

Он поспешно ослабил хватку, но руки не разжал, цепляясь за рукав Се Мовэя, как испуганный ребенок, и, прихрамывая, поплелся за белым силуэтом, не переставая благодарить:

— Спасибо, Сяньцзунь! Вы настоящий живой бодхисатва! Вашу доброту я никогда не забуду! Я буду служить вам верой и правдой до конца своих дней!

Се Мовэй никак не ответил, даже шаг не замедлил. Белое одеяние, подобное снегу, размеренная походка — казалось, за ним следует не рыдающий грязный безумец, а лишь поток воздуха.

В переулке остались лишь ошеломленные стражники семьи Жун, глядя вслед удаляющейся странной паре.

Сяньцзунь... вот так просто взял и... забрал этого смутьяна?

События этой ночи были слишком нереальными.

А король Мэй, крепко сжимая край холодного рукава, опустил голову, и на его губах появилась невидимая для других, торжествующая и зловещая улыбка.

Се Мовэй, первый шаг сделан — я вцепился в тебя.

Настоящее представление только начинается.

<http://bllate.org/book/18805/1828733>